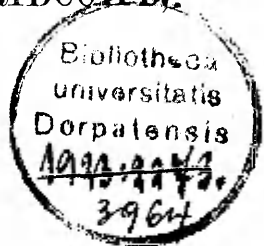

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МИХЕЛЬСОНЪ, ^{Est.}

побѣдитель Пугачева.

1740—1807.

I.

Имя Михельсона тѣсно связано съ воспоминаніемъ о тяжелой годинѣ въ исторіи русскаго народа—годинѣ Пугачевщины. Знакомымъ съ исторіею той эпохи извѣстно, что изъ всѣхъ начальниковъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ въ открытомъ полѣ, одинъ только Михельсонъ оказался вполне достойнымъ своего назначенія, какъ по отвагѣ своей, такъ особенно по своей неутомимой дѣятельности.

Передъ этою выдающеюся эпохою жизни Михельсона, какъ бы ступшевываются предшествовавшая и послѣдующая его дѣятельность на поприщѣ служебномъ и о ней упоминаютъ весьма немного. Между тѣмъ, дѣятельность эта была весьма почтеннаго свойства. Михельсонъ въ полномъ смыслѣ слова «вѣрою и правдою» отслужилъ Россіи слишкомъ полъ вѣка, а блестящіе подвиги его во время пугачевского бунта оказали столь важную услугу общественному порядку, что имя его заслуживаетъ быть поставленнымъ въ ряду тѣхъ, которыя каждымъ русскимъ произносятся съ особеннымъ уваженіемъ.

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (изъ дворянъ Лифляндской губерніи, сынъ полковника) родился въ 1740 году, а въ 1754 г., т. е., когда ему минуло четырнадцать лѣтъ, уже зачисленъ былъ рядовымъ въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ. Такая крайняя юность въ солдатѣ не поразить насъ, если вспомнимъ, что въ тѣ времена, сплошь и рядомъ, бывали случаи зачисленія чуть ни младенцевъ въ колыбели рядовыми и даже сержантами въ гвардейскіе полки для того, чтобы, по достиженіи совершеннолѣтія,

они имѣли возможность поступить въ полевые войска прямо съ офицерскимъ чиномъ. Нѣкоторые изъ записанныхъ, такимъ образомъ, въ полки вовсе и не являлись на службу и такъ и оставались навсегда какими-нибудь гвардіи сержантами. Только при императорѣ Павлѣ положенъ былъ предѣлъ этому злоупотребленію: всѣ лица, записанные въ извѣстные полки, получили приказаніе явиться на службу, а не являвшіеся исключались изъ списковъ.

Неизвѣстно, несъ-ли Иванъ Ивановичъ Михельсонъ дѣйствительную службу съ 1754 года, или только числился въ спискахъ л.-гв. Измайловскаго полка; но въ январѣ 1755 г. онъ былъ сержантомъ, а въ томъ же году, 3-го февраля, иманнымъ высочайшимъ указомъ произведенъ въ офицеры и переведенъ поручикомъ въ 3-й мушкатерскій полкъ.

Этимъ полкомъ командовалъ въ то время полковникъ Бибииковъ, впоследствии прославившійся дѣятельностью во время Пугачевщины. Подъ его-то начальствомъ пришлось Михельсону начать свое боевое поприще. Семилѣтняя война была въ полномъ разгарѣ и 3-й мушкатерскій полкъ, въ числѣ прочихъ русскихъ войскъ, направленъ былъ въ Пруссію. Михельсону не посчастливилось при встрѣчѣ съ пруссаками: въ августѣ 1758 г., въ сраженіи подъ Цорндорфомъ, онъ былъ раненъ штыкомъ въ голову; а въ слѣдующемъ году, въ кунерсдорфскомъ сраженіи, получилъ двѣ сильныя контузіи и рану пулею на вылетъ въ поясницу (съ перебитіемъ кости) и, лежа безъ чувствъ между убитыми, вѣроятно погибъ бы, еслибъ не былъ замѣченъ Бибииковымъ и не унесенъ, по его приказанію, съ поля битвы. Перевезенный въ крѣпость Торнъ, онъ пользовался тамъ отъ ранъ и, обязанный тому же Бибиикову пособіями во время болѣзни, сохранилъ къ нему навсегда глубокую привязанность.

Раны Михельсона, однако, такъ мало представляли надежды на совершенное излеченіе, что его чуть не уволили въ отставку съ пенсією. Но едва оправившись, молодой капитанъ (чинъ этотъ полученъ имъ былъ во время кампаніи 1760 г.) снова заявилъ желаніе принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ отправленъ къ арміи съ транспортною эскадрою, везшею 5,000 человекъ войска и разные припасы. Во время этого плаванія Михельсону опять не повезло: фрегатъ, на которомъ онъ находился, потерпѣлъ крушеніе около острова Гохланда; черезъ двѣ недѣли таже участь постигла галіотъ, на который онъ успѣлъ пересѣсть во время перваго крушенія. Однако, экипажъ удалось спасти и перевезти въ Мемель. Тутъ снова открылись у Михельсона раны и онъ, для излеченія ихъ, перевезенъ былъ въ Кенигсбергъ. По выздоровленіи, ему около двухъ лѣтъ пришлось ко-

мандовать 3-мъ баталіономъ Казанскаго пѣхотнаго полка, а въ 1761 г.—отправиться, по расиоряженію генераль-аншефа графа Пянина, въ ввѣренный послѣднему Новгородскій полкъ, входившій въ составъ войскъ, осаждавшихъ прусскую крѣпость Кольбергъ. Отсюда, по окончаніи семилѣтней войны, Михельсонъ, вмѣстѣ съ арміею, возвратился въ Россію.

По окончаніи кампаніи, въ 1763 году, онъ былъ переведенъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ, а оттуда, въ 1769 году, въ Астраханскій же карабинерный.

Недолго пришлось отдыхать русскимъ войскамъ отъ борьбы съ пруссаками. Черезъ шесть лѣтъ загорѣлась новая война: противъ Турціи и польскихъ конфедератовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ Михельсона въ чинѣ секундъ-маіора. Находясь, въ 1770 году, въ районѣ военныхъ дѣйствій, онъ, помимо разныхъ стычекъ съ турками, принималъ участіе въ знаменитыхъ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ. При Ларгѣ ему представился случай отличиться: первый вскакалъ онъ съ своимъ эскадрономъ въ турецкій лагерь, оставивъ за собою восемь непріятельскихъ пушекъ, но тутъ же былъ раненъ въ лѣвую руку пулею на вылетъ. За этотъ подвигъ онъ произведенъ былъ въ преміеръ-маіоры и вмѣстѣ съ тѣмъ переведенъ въ Каргопольскій карабинерный полкъ.

На слѣдующіе два года дѣятельность Михельсона переносится въ Польшу, гдѣ онъ сражался подъ начальствомъ, сперва генерала Веймарна, а потомъ—Бибикова. Пріобрѣтенную уже имъ въ арміи репутацію храбраго и распорядительнаго офицера, Михельсонъ поддержалъ и при дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ: неоднократно разбивалъ онъ ихъ партизанскіе отряды и принималъ участіе въ пораженіи, подъ Радовымъ, маршалка Пулавскаго (20-го октября 1771 г.), а также въ осадѣ Краковскаго замка (въ 1772 г.). За отличную службу въ предѣлахъ Польши Михельсонъ награжденъ чиномъ подполковника (24-го апрѣля 1772 г.) и вслѣдъ за тѣмъ переведенъ въ С.-Петербургскій карабинерный полкъ.

Въ декабрѣ слѣдующаго 1773 года полкъ этотъ, находившійся тогда въ Познани, получилъ приказаніе идти на соединеніе съ войсками, ввѣреннымъ начальству генераль-аншефа Бибикова, отправленнаго императрицею на усмиреніе пугачевского бунта.

Съ этого времени начинается для Михельсона блистательнѣйшая эпоха жизни, прославившая его на всю Россію и навсегда спасающая имя его отъ забвенія соотечественниковъ.

II.

Хотя съ прибытіемъ Бибикова дѣла на востокъ Россіи начали нѣсколько поправляться, но рѣшительныхъ успѣховъ еще не было. Нѣсколько разъ разбитый Пугачевъ постоянно успѣвалъ отходить отъ правительственныхъ войскъ и весьма скоро набиралъ новыя толпы всякаго сброда. Окончательно побѣдить его можно было только быстрою и неутомимостью преслѣдованія; а въ этомъ отношеніи начальники правительственныхъ отрядовъ, по большей части, не вполне соотвѣтствовали желаніямъ Бибикова.

С.-Петербургскій карабинерный полкъ прибылъ въ Казань 2-го марта 1774 года; съ 18-го марта Михельсону уже ввѣрено было начальство надъ войсками, отряженными для освобожденія города Уфы, окруженнаго мятежниками. Немедленно двинулся онъ къ этому городу и, разсѣявъ дорогою встрѣчавшіяся ему мелкія шайки, двинулся прямо къ деревнѣ Чесноковѣ, гдѣ находился съ десяти тысячнымъ отрядомъ казакъ Чика, — одинъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Пугачева. 25-го марта, у деревни Требиковой, новая толпа бунтовщиковъ преградила ему дорогу. Войска Михельсона разсѣяли ее и отняли находившіяся при ней двѣ пушки. При дальнѣйшемъ движеніи, 26-го числа, онъ былъ встрѣченъ у деревни Зубовки главными силами Чики и, несмотря на упорное сопротивленіе мятежниковъ, разбилъ ихъ на голову и захватилъ 25 пушекъ и множество запасовъ. Уфа была спасена. Михельсонъ, однако, не остановилъ своего движенія, а пошелъ къ гор. Табинску, куда ускакалъ Чика. Опасный разбойникъ былъ тамъ схваченъ собственными казаками и выданъ побѣдителю, который отослалъ его скованнаго въ Уфу. Вскорѣ послѣ того, 4-го апрѣля, вступилъ туда же и самъ Михельсонъ, выславъ вмѣстѣ съ тѣмъ разѣзды во всѣ стороны для возстановленія спокойствія въ окрестныхъ деревняхъ ¹⁾).

Около этого времени другія, значительнѣйшія шайки Пугачева тоже были разсѣяны и положеніе его, повидимому, было отчаянное. Но съ кончиною Бибикова (9-го апрѣля) дѣла снова приняли дурной оборотъ. Грозный бунтъ поднялся въ Башкир-

¹⁾ Отрядъ его въ это время состоялъ: изъ 4-хъ ротъ Томскаго пѣхотнаго полка, 6-ти ротъ С.-Петербургскаго карабинернаго полка и бѣлыхъ гусаровъ, 4-хъ ротъ черныхъ гусаровъ, 4-хъ ротъ Изюмскаго полка, 2-хъ ротъ Чугуевскихъ казаконъ, 1-й роты егерей и 4-хъ орудій. (Лѣтопись гор. Уфы, напечатанная въ «Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г.).

ской области, гдѣ предводителемъ мятежниковъ явился свирѣпый Салаватъ. Михельсонъ, вмѣстѣ съ Фрейманомъ, старался настигнуть бросавшагося во все стороны Пугачева, но наступившая весенняя распутица и на этотъ разъ помогла самозванцу. Дороги стали непроходимы; люди и лошади вязли въ тошпой грязи; рѣки разлились на нѣсколько верстъ. Фрейманъ остановился въ Стерлитамакѣ; но Михельсонъ, несмотря на всевозможныя препятствія, продолжалъ преслѣдованіе, и около 8-го мая 1774 г. разогналъ толпы Салавата, собравшіяся у Симскаго завода. Отдохнувъ тутъ одинъ день, онъ двинулся далѣе. За нѣсколько верстъ отъ завода его опять встрѣтили мятежники, предводимые Салаватомъ и Бѣлобородовымъ. Михельсонъ разбилъ ихъ, отнялъ у нихъ все пушки и затѣмъ поспѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самаго Пугачева; но вскорѣ узналъ, что онъ находится уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ разсыялъ еще одну шайку и преслѣдовалъ ее до Саткинскаго завода. Тутъ дошло до него извѣстіе, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ всякой сволочи, пошелъ на крѣпостцу Магнитную. Тогда онъ рѣшился углубиться въ уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около верховьевъ р. Яика. Въ горахъ ему пришлось двигаться по затруднительнымъ и мало извѣстнымъ дорогамъ; въ опустѣвшихъ деревняхъ не было возможности достать необходимыя припасы и отрядъ его, окружаемый многочисленными шайками, находился въ постоянной опасности. 17-го мая развѣзды Михельсона наткнулись на башкиръ, сторожившихъ горные проходы. Стянувъ свой отрядъ, онъ, въ полной готовности къ бою, подвигался впередъ и верстахъ въ семи за передними башкирскими караулами встрѣтилъ главную толпу мятежниковъ, чело-вѣкъ въ 1,000, подъ начальствомъ табинскаго старшины Бектемирова. Башкиры вздумали было атаковать Михельсона, но встрѣченныя сильнымъ огнемъ съ фронта и атакованные въ тоже время съ фланга и тыла заранѣе отдѣленнымъ коннымъ отрядомъ, бѣжали, потерявъ до 300 чело-вѣкъ убитыми.

Отъ захваченныхъ плѣнныхъ Михельсонъ узналъ, что Магнитная взята мятежниками, но что Пугачева преслѣдуетъ отрядъ генераль-поручика Декалонга. Тогда онъ вышелъ изъ горъ и пошелъ къ Троицкой крѣпости, надѣясь освободить хотя ее отъ грозящей опасности; но, узнавъ, что и эту крѣпость постигла участь Магнитной и что Пугачевъ, пораженный Декалонгомъ, отступаетъ къ Челябину, бросился вслѣдъ за нимъ... 22-го мая, близъ д. Подпиковой (Дягушино тожь) онъ встрѣтилъ передовые отряды отступающихъ шаекъ и сталъ на перерѣзъ ихъ пути, занявъ позицію тыломъ къ Челябину. Пугачевъ двинулся было прямо про-

тивъ него, но вдругъ повернулъ на Чербакульскую крѣпость, обходя позицію своего противника. Фланговымъ движеніемъ Михельсонъ снова перерѣзалъ мятежникамъ дорогу, но войска его лѣваго крыла, отчаянно атакованныя, были приведены въ разстройство и даже потеряли двѣ пушки. Тогда Михельсонъ, взявъ по эскадрону изюмскихъ гусаръ и с.-петербургскихъ карабинеровъ, ударилъ на бунтовщиковъ и мгновенно разсѣялъ ихъ, отнявъ захваченныя его орудія, а съ ними вмѣстѣ и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева пушку. Преслѣдованіе продолжалось до ночи. Остатки мятежниковъ укрылись въ окрестные лѣса, потерявъ болѣе 1,000 человекъ. Между плѣнными былъ и начальникъ пугачевской артиллеріи Салминъ. Кромѣ пушекъ, взяты двѣ бочки пороха, весь обозъ и много съѣстныхъ припасовъ; тутъ же найдена голубая лента Пугачева.

На другой день Михельсонъ двинулся къ Чербакульской крѣпости, усмирилъ бунтовавшихъ тамъ казаковъ и присоединилъ ихъ къ своему отряду.

Пойманннй изъ шайки Пугачева объявилъ, что самозванецъ ушелъ къ деревнѣ Карась, имѣя при себѣ не болѣе 100 всадниковъ. Михельсонъ двинулся по указанному направленію и, пройдя версть восемь, встрѣтилъ преміеръ-маіора Жолобова, отряженнаго генераломъ Декалонгомъ для преслѣдованія Пугачева послѣ пораженія его подъ Троицкою крѣпостью. Положено было, чтобы Жолобовъ шелъ на Кмитышевскій заводъ, а Михельсонъ—на Златоустовскій. Этимъ движеніемъ они надѣялись заключить Пугачева въ горахъ. На Златоустовскомъ заводѣ Михельсонъ узналъ, что туда пріѣзжало нѣсколько пугачевскихъ эмиссаровъ, указывавшихъ всѣмъ охочимъ людямъ спѣшить къ Саткину, около котораго былъ главный скопъ башкировъ. Въ то же время онъ получилъ отъ Декалонга приказаніе: идти къ сказанному заводу, чтобы разогнать оттуда башкирскія толпы и этимъ движеніемъ лишить Пугачева возможности съ нимъ соединиться. При этомъ Декалонгъ обнадежилъ его содѣйствіемъ не только маіоровъ: Жолобова и Гагрина, но и собственнаго своего отряда. Однако, содѣйствіе это такъ и ограничилось однимъ обѣщаніемъ. Самъ Декалонгъ остался въ Челябинѣ, да туда же отозвалъ Жолобова и Гагрина, безъ того уже дѣйствовавшихъ медленно и нерѣшительно.

Такимъ образомъ, преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, онъ отъ Златоустовскаго завода двинулся къ Саткинскому, куда и прибылъ 27-го мая. Находявшіяся въ окрестностяхъ послѣдняго завода шайки Салавата и разбойника Анчугала, узнавъ о при-

ближеніи войскъ, бѣжали: первая — къ Симскому заводу, а вторая — къ деревнѣ Киги.

У Саткинскаго Михельсонъ далъ своимъ войскамъ, сорокъ дней безостановочно ирелѣдовавшихъ непріятеля, двухдневный отдыхъ. Онъ былъ вынужденъ остановиться, чтобы запастись провіантомъ и поправить испорченныя повозки обоза, не рѣшаясь оставить ихъ въ ненадежномъ мѣстѣ. По прошествіи двухъ дней, въ продолженіе которыхъ не имѣлось никакихъ извѣстій, ни о Пугачевѣ, ни о сообщникахъ его, Михельсонъ выступилъ по дорогѣ къ Симскому заводу (30-го мая). Услышавъ о его приближеніи, Салаватъ разграбилъ и зажегъ заводъ, а самъ перешелъ р. Ай и остановился на правомъ ея берегу, въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, изобавясь отъ погони Гагриня и Жолобова, успѣлъ съ нимъ соединиться. Мятежники рѣшились воспрепятствовать Михельсону произвести переправу и уничтожили мосты на р. Ай.

Оставивъ Симскій заводъ въ сторонѣ, Михельсонъ двинулся за Салаватомъ и, подойдя къ р. Ай, приказалъ пятидесяти казакамъ своего отряда переправиться вплавь, взявъ съ собою на лошадь по одному егерю. Башкиры бросились—было на нихъ, но были разбѣяны пушечными выстрѣлами, и затѣмъ, подъ прикрытіемъ этого передоваго отряда, переправились и остальные войска Михельсоновы; порохъ перевезла конница, а орудія переволокли по дну рѣки на канатахъ. Атака, послѣдовавшая за переправою, кончилась, какъ обыкновенно, пораженіемъ мятежниковъ. Во время преслѣдованія они потеряли до четырехсотъ человекъ убитыми. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Намѣреваясь довершить поражение мятежниковъ, Михельсонъ направился за ними къ д. Киги, куда они бѣжали, надѣясь соединиться тамъ со скопищами разбойника Анчугала. Во время преслѣдованія, ночью (2-го іюня) передовыя войска, подъ командою капитана Карташевскаго, были окружены шайкою Салавата; но своевременное прибытіе подкрѣпленія выручило ихъ изъ опасности. Мятежники были разбѣяны нѣсколькими выстрѣлами. Одна часть конницы послана была для преслѣдованія бѣгущихъ, а другая, которую велъ самъ Михельсонъ, подвигалась впередъ съ большими предосторожностями; пѣхота шла въ нѣкоторомъ разстояніи позади, прикрывая обозъ. Предусмотрительность начальника и знакомство его съ тактикою мятежниковъ избавили отрядъ отъ большой опасности. Три значительныя толпы, при которыхъ находился самъ Пугачевъ, внезапно появились въ тылу и атаковали прикрытіе обоза. Тогда Михельсонъ немедленно послалъ приказаніе передовой кавалеріи вернуться, а самъ, съ бывшими у него подъ рукою всадниками, помчался на выручку нѣ-

хоты, упорно оборонявшейся противъ насѣдавшихъ на нее мятежниковъ. Прибытіе остальной кавалеріи окончательно рѣшило дѣло: разстроенные пугачевцы бѣжали и были преслѣдуемы на разстояніи пяти верстъ. Узнавъ вслѣдъ затѣмъ отъ плѣнныхъ о намѣреніи Пугачева идти къ Уфѣ, Михельсонъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и, встрѣтивъ (5-го іюня) бунтовщиковъ, снова разбилъ и разогналъ ихъ.

Однако, при всѣхъ блестящихъ успѣхахъ Михельсонъ созналъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. Больные и раненые собственнаго отряда, число которыхъ значительно увеличилось, должны были быть сданы въ надежное мѣсто; гдѣ-нибудь надо было также оставить захваченныхъ имъ плѣнныхъ, только замедлявшихъ его движенія; наконецъ, запасы, особенно боевые, совершенно истощились: оставалось только по два патрона на человѣка. Всѣ эти причины побудили его остановиться на нѣсколько дней въ Уфѣ, чтобы тамъ заpastись всѣмъ для отряда необходимымъ.

Послѣ этого кратковременнаго отдыха Михельсонъ, какъ только открылась возможность, вышелъ изъ Уфы на новые поиски. Двигаясь черезъ Бирскъ, по направленію къ Сарапулу, онъ началъ снова встрѣчать значительныя, преимущественно башкирскія, шайки. Приходилось терять время на разсѣяніе ихъ и, кромѣ того, безпрестанно останавливаться для возстановленія переправъ, всюду уничтожаемыхъ пугачевскими шайками и мѣстными жителями, сочувствовавшими имъ.

Постоянно задерживаемый всѣми этими препятствіями, Михельсонъ только 2-го іюля могъ достигнуть Камы, черезъ которую и переправился около села Каракулина. Эта переправа опять сильно задержала его, такъ какъ всѣ перевозочныя средства были или истреблены, или увезены мятежниками.

Между тѣмъ Пугачевъ, не стѣсняемый тѣми затрудненіями, которыя понудили его преслѣдователя остановиться въ Уфѣ, бросился на сѣверъ. Завладѣвъ пригородомъ Осою, онъ разграбилъ и сжегъ его и переправился (23-го іюня) на правый берегъ Камы. Здѣсь нѣсколько заводовъ было тоже опустошено имъ. Скопище его постоянно усиливалось новыми толпами, которыя столько же содѣйствовали его движенію, сколько препятствовали преслѣдованію Михельсона. Никѣмъ не задерживаемый, онъ устремился на Казань.

О переправѣ самозванца черезъ Каму Михельсонъ узналъ только 27-го іюня, но самъ онъ могъ перейти на правый берегъ только черезъ шесть дней послѣ этого. Совершивъ переправу, онъ немедленно двинулся къ Казани и 11-го іюля находился въ разстояніи около 65-ти верстъ отъ нея. Люди и лошади въ его отрядѣ

были сильно утомлены предшествовавшими переходами; несмотря на то, онъ продолжалъ путь свой, сознавая всю важность своевременнаго прибытія къ угрожаемому городу. Въ это время Пугачевъ уже ворвался туда и шайки его предавались всевозможнымъ неистовствамъ. Страшная участь грозила и Казанской крѣпости, куда укрылись всѣ мѣстные чиновники и множество дворянъ, но избавитель былъ близокъ.

Отойдя 20 верстъ отъ мѣста привала, Михельсонъ вторично былъ принужденъ остановиться, хотя уже до него началъ доноситься гулъ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Казани. Какъ ни привычны были его люди къ форсированнымъ маршамъ, но имъ необходимо надо было дать собраться съ силами для послѣдняго перехода, такъ какъ до Казани оставалось еще слишкомъ 40 верстъ. Отдохнувъ всего одинъ часъ, Михельсонъ двинулся далѣе. Встрѣченная имъ на дорогѣ толпа мятежниковъ была разсѣяна; но бѣжавшіе успѣли предупредить Пугачева о его приближеніи. На этотъ разъ самозванецъ рѣшился встрѣтить своего грознаго врага лицомъ къ лицу: онъ собралъ свои многочисленныя толпы и занялъ позицію въ 7-ми верстахъ отъ Казани, около села Царицына.

Михельсонъ, подойдя къ расположенію мятежниковъ, рѣшился немедленно атаковать ихъ. Самъ онъ двинулся на центръ позиціи, отрядивъ противъ праваго крыла мятежниковъ своего храбраго сподвижника, майора Харина, а противъ лѣваго — майора Дуве. Атака на центръ, прикрытый болотистою мѣстностью, встрѣчена была сильнымъ огнемъ главной батареи Пугачева; огонь этотъ, однако, не поколебалъ храбрости атакующихъ: батарея была взята и защитники ея обращены въ бѣгство. Нападеніе на лѣвое крыло мятежниковъ было столь же успѣшно; но Харинъ, задержанный жестокимъ огнемъ и встрѣченный весьма сильными скопищами, очутился въ положеніи весьма опасномъ. Къ счастью, Михельсонъ, раздѣлавшись съ стоявшими въ центрѣ мятежниками, во-время подоспѣлъ къ нему на выручку. Опрокинутые на всѣхъ пунктахъ пугачевцы бѣжали, потерявъ 800 человекъ убитыми и 7 пушекъ. Преслѣдовать ихъ было нельзя, такъ какъ уже стемнѣло и, къ тому же, войскамъ крайне необходимъ былъ отдыхъ.

Переночевавъ на полѣ сраженія, Михельсонъ на другое утро (13-го іюля), двинулся къ Казани; но, дошедши до Арскаго поля, снова встрѣтилъ толпы бунтовщиковъ, намѣревавшихся преградить ему сообщеніе съ казанскимъ гарнизономъ. Михельсонъ, успѣлъ дать знать коменданту крѣпости о своемъ приближеніи и въ то время, когда самъ онъ отражалъ нападающія на него скопища, генераль-майоръ Потемкинъ, выпедши изъ крѣ-

пости, ударилъ на нихъ съ другой стороны. Мятежники были отброшены и ушли за р. Казанку, въ с. Сухую-Рѣку. Михельсонъ остался почевать на полѣ битвы; но на другой день получилъ извѣстіе, что Пугачевъ, подкрѣпившись новыми толпами, вѣроятно, привлеченными надеждою на богатую добычу въ Казани, хочетъ опять сдѣлать на него нападеніе.

15-го іюля, дѣйствительно, открыто было приближеніе мятежныхъ полчищъ. Число бунтовщиковъ, по слухамъ, простиралось до 25-ти т.; но Михельсонъ привыкъ не смущаться ихъ многочисленностью и, взявъ себѣ въ подкрѣпленіе 150 человекъ изъ войскъ Потемкина смѣло пошелъ на встрѣчу самозванцу. Встрѣча послѣдовала около того же мѣста, на которомъ мятежники были разбиты 12-го числа. На этотъ разъ многочисленная шайка Пугачева дралась особенно упорно и дѣло было окончено только атакою, произведенною самимъ Михельсономъ, во главѣ резерва, состоявшаго, впрочемъ, всего изъ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ. Мятежники разстроились и побѣжали, преслѣдуемые маіоромъ Харинымъ.

Послѣдствіемъ этого сраженія, кромѣ огромныхъ потерь, понесенныхъ мятежниками, было освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ казанскихъ жителей, захваченныхъ башкирами и другою разбойничьею сволочюю.

Клевета, взведенная на Михельсона, будто онъ преднамѣренно замедилъ свое прибытіе къ Казани для того, чтобы дать время мятежникамъ разграбить городъ, а потомъ самому поживиться отнятою у нихъ добычею, — клевета эта опровергается самими фактами. Мы видѣли, что только крайняя необходимость заставила Михельсона остановиться въ Уфѣ и, такимъ образомъ, выпустить изъ виду самозванца, за движеніями котораго, и вообще, услѣдить было весьма трудно. Особенныхъ опасеній за Казань Михельсонъ тоже не могъ имѣть. Ему-ли, привыкшему съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ поражать многочисленныя скопища мятежниковъ, — ему-ли можно было ожидать, что Казань, гдѣ имѣлось до 1,500 войска, съ достаточною артиллеріею, не сумѣетъ отстоять себя, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ дней? Тѣмъ не менѣе, едва получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи мятежниковъ къ этому городу, онъ дѣлаетъ со своимъ измученнымъ отрядомъ переходъ въ шестьдесятъ верстъ и затѣмъ немедленно вступаетъ въ бой съ непріателемъ, расположившимся на крѣпкой позиціи. Это-ли назвать преднамѣренною медленностью?... Но зависть и недоброжелательство не всегда справляются съ логикою.

Пугачевъ, разбитый подъ Казанью, перенесъ, какъ извѣстно, дѣятельность свою на правое побережье Волги. Нѣсколько отря-

довъ послано было для его преслѣдованія; въ томъ числѣ и отрядъ Михельсона (около 800 чел.), остававшійся въ Казани только короткое время для снабженія себя необходимыми запасами и подкрѣпленіями.

Еще болѣе мѣсяца свирѣпствовалъ самозванецъ и при содѣйствіи черни постоянно ускользалъ отъ преслѣдовавшихъ его войскъ. Побывалъ онъ въ Ядринскѣ, Алатырѣ, Пензѣ, Саратовѣ, обозначая путь свой страшными грабежами и убійствами. Но то были уже послѣдніе его успѣхи. Съ урономъ отбитый отъ Царицына и узнавъ въ тоже время о приближеніи правительственныхъ отрядовъ, онъ бѣжалъ къ Черному Яру; но въ 150-ти верстахъ отъ Царицына былъ настигнутъ Михельсономъ (25-го августа) и совершенно разбитъ. Несмотря на быстроту бѣгства мятежниковъ, Михельсонъ уже не выпускалъ ихъ изъ вида и въ 25-ти вер. отъ Чернаго Яра нанесъ имъ новое, окончательное пораженіе. Вся шайка Пугачева разсыпалась и самъ онъ, съ нѣсколькими приближенными, едва успѣлъ спастись, переплывъ на лодкѣ на луговой берегъ Волги, гдѣ вскорѣ послѣ того былъ схваченъ и выданъ посланному для его поимки Суворову.

Блестящія заслуги Михельсона при усмиреніи пугачевского бунта были щедро награждены императрицею. Въ письмѣ своемъ, отъ 23-го іюля 1774 г., къ генераль-маіору Павлу Сергѣевичу Потемкину (завѣдывавшему секретными коммисіями по открытію виновныхъ въ мятежѣ), она, между прочимъ, пишетъ:

«... ожидала-я съ нетерпеливостію извѣстія о приходѣ господина Михельсона въ Казань съ рѣшительнымъ сего дѣла оборотомъ, полагая надежда на помощь Всевышняго, толь много Россію милующаго во всякое время».

«Вчерашной, 22-го числа іюля, чрезъ адъютанта вашего Мартыновича, увѣдомилась я, что надежда моя не щетна была и что Казань, по десятичасовномъ зломъ страданіи въ рукахъ варваровъ, освободилась соединеньемъ вашимъ съ господиномъ Михельсономъ, и что вы имѣете упованье, по приближеніи тѣхъ войскъ, кои къ вамъ на сигурсъ идутъ, нанести злодѣямъ навящеѣ истребленіе, въ чемъ Богъ да поможетъ вамъ. Господина подполковника Михельсона я вчерашной же день пожаловала полковникомъ; всему же, съ нимъ бывшему detachmentу жалую треть не в' зачетъ; о чемъ указъ сего же дня подпишу въ военную коллегію, и вы всѣхъ и каждаго, коего усердья вы засвидетельствуетѣ, можетѣ обнадежить, что усердныя и ревностныя труды ихъ щетно не останутся. Мое намереніе есть, я отъ васъ не скрою, наградить деревнями всѣхъ тѣхъ, кои во всякой дру-

гой войны кресты бы заслужили.... Да свѣрхъ того прикажитѣ весь деташементъ Михельсонова одѣть и обуть на мой щетъ»¹⁾.

Согласно высказанному въ этомъ письмѣ намѣренію, императрица пожаловала Михельсону тысячу душъ крестьянъ въ Витебской губерніи. Но такъ какъ заслуги его, при усмиреніи бунта, безусловно выходили изъ общаго разряда, то этой наградой императрица не ограничилась. Изъ приведеннаго письма ея мы видимъ, что весь деташементъ Михельсона зѣ-ново одѣтъ, обуть и награжденъ третнимъ жалованьемъ; начальникъ же произведенъ въ полковничій чинъ. Сверхъ всего этого, Михельсону пожалованъ орденъ св. Георгія 3-го класса, значительная сумма денегъ и ему же ввѣрено командованіе сперва кирасирскимъ военнаго ордена (1775 г.), а потомъ лейбъ-кирасирскимъ полкомъ (1776 г.).

III.

Черезъ четыре года по окончаніи лугачевского бунта, Михельсонъ, въ одинъ и тотъ же день (22-го сентября) пожалованъ чиномъ генераль-маіора и орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1781 г. наименованъ премьеръ-маіоромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. 22-го сентября 1786 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики и въ этомъ чинѣ, въ 1788 и 1789 годахъ, начальствовалъ корпусомъ въ арміи генераль-аншефа Мусина-Пушкина, дѣйствовавшей противъ шведовъ.

При неожиданномъ извѣстіи въ Петербургѣ о непріязненныхъ намѣреніяхъ короля Густава III, Михельсонъ былъ первый, посланный императрицею Екатериною, для принятія начальства надъ войсками, разбросанными въ Финляндіи. Предусматривая намѣреніе непріятели овладѣть крѣпостью Нейшлотомъ, онъ предупредилъ его, послалъ туда достаточно сильный отрядъ, а потомъ пошелъ къ Вильманстранду. Узнавъ, что шведы укрѣпились на берегу рѣки Пардакоски, Михельсонъ выбилъ ихъ оттуда и сталъ въ выгодной позиціи у Давидова, лѣвѣе Вильманстранда.

Слѣдующую кампанію (1789 г.) онъ открылъ удачными дѣйствіями въ окрестностяхъ Вильманстранда и, перейдя границу при урочищѣ Векіера, 31-го мая, послѣ жаркаго сраженія, разбилъ на голову и разсѣялъ укрѣпившійся при д. Киро отрядъ шведскихъ войскъ, послѣдствіемъ чего было занятіе м. Христины. На другой день Михельсонъ выступилъ по дорогѣ къ Сень-Михелю и атаковалъ непріятельское укрѣпленіе, защищавшее

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 118—119.

переправу Парасальми, но былъ отбитъ. Дѣло было весьма упорное и подъ Михельсономъ убита лошадь. Получивъ подкрѣпленіе, онъ возобновилъ атаку (7-го іюня) и на этотъ разъ удачно: шведы принуждены были оставить не только парасальмскій постъ, но и С.-Михель. Дальнѣйшему принятію имъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Финляндіи воспрепятствовала болѣзнь; однако, получивъ облегченіе, онъ еще въ томъ же году отправился въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ, и, принявъ начальство надъ стоящимъ у р. Прута обсерваціоннымъ корпусомъ, прикрывалъ со стороны Измаила всѣ дѣйствія главной арміи противъ крѣпостей—Аккерманъ и Бендеры.

Въ 1790 г., по заключеніи съ Швеціею мира, императрица пожаловала Михельсону знаки ордена св. Александра Невскаго, украшенные брилліантами. Это была послѣдняя награда, полученная имъ въ царствованіе Екатерины, и очъ до самой ея кончины жилъ въ Петербургѣ, числясь въ л.-гв. Конномъ полку.

Императоръ Павелъ, вскорѣ по своемъ воцареніи, произвелъ Михельсона въ генералы отъ кавалеріи и назначилъ шефомъ Глуховскаго кирасирскаго полка, который потомъ съ 31-го октября по 13-е февраля 1800 г. назывался кирасирскимъ Михельсона. Большую часть означеннаго времени Михельсонъ командовалъ корпусомъ, стоявшимъ въ Подольской губерніи и входившимъ въ составъ арміи генерала Гудовича; а 13-го февраля 1800 г. ему поручено было управленіе Крымскимъ полуостровомъ и начальство надъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, который до царствованія императора Александра I носилъ названіе драгунскаго Михельсона. Императоръ Павелъ весьма благоволилъ Михельсону и часто удостоивалъ его рескриптами, даже собственноручными, болъшею частію на нѣмецкомъ языкѣ.

Императоръ Александръ I, въ день своей коронаціи, пожаловалъ Михельсону, вторично, алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго; въ 1803 г. повелѣлъ ему быть бѣлорусскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ 1805 г., во время приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ, ввѣрилъ ему начальство надъ арміею, собранною на западной границѣ въ числѣ 9,000 чел. и состоящею изъ корпусовъ: Беннингсена, графа Буксгевдена и Эссена. По утвержденному между Россіею и Австріею плану военныхъ дѣйствій, Михельсону было поручено вступить, въ началѣ сентября, въ прусскія владѣнія и идти съ беннингсеновымъ корпусомъ въ сѣверную Германію, отправя Буксгевдена и Эссена на соединеніе съ арміею Кутузова, въ Моравію. Планъ этотъ былъ въ послѣдствіи отмѣненъ и самому Михельсону не удалось сразиться съ французами. Передъ аустерлицкимъ сраженіемъ корпусъ Беннингсена посланъ былъ въ Богемію, а Михельсону

велѣно было возвратиться въ Россію и принять начальство надъ резервами, расположенными въ западныхъ губерніяхъ.

Нетерпѣливо желавшій сразиться съ французами, старый воинъ былъ глубоко огорченъ этимъ удаленіемъ отъ театра военныхъ дѣйствій. Говорятъ, что перемена назначенія такъ на него подѣйствовала, что при извѣстіи о ней онъ упалъ на стулъ и залился слезами. Однако, эта, вошедшая въ плоть и кровь его, потребность военной дѣятельности была удовлетворена въ слѣдующемъ же 1806 г. (въ апрѣлѣ) назначеніемъ его главнокомандующимъ днѣстровскою арміею, собранною противъ турокъ.

Въ какомъ состояніи находилась эта армія, можно видѣть изъ донесеній генерала князя Долгорукова, посланнаго государемъ для осмотра ввѣренныхъ Михельсону войскъ. Безпрерывныя почти войны и сопряженные съ ними громадныя затраты не могли не отозваться на всей военной организаціи государства. Такъ, войска, назначенныя для похода въ Турцію, еще въ концѣ іюня 1806 года, далеко не досчитывались въ рядахъ своихъ комплектнаго числа людей и лошадей; во многихъ полкахъ не доставало значительнаго количества ружей, ранцевъ, шинелей; артиллерія и подвижныя магазины находились въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Вся тяжесть заботъ по приведенію арміи въ боевое состояніе легла на плечи 67-ми-лѣтняго старца; къ тому же разстроенаго здоровьемъ. Но, несмотря на безконечныя препятствія и затрудненія, Михельсонъ бодро принялся за дѣло и изъ всеподданнѣйшихъ писемъ князя Долгорукова видно, что уже въ августѣ пѣхотные полки всѣ почти приведены были въ такое состояніе, что могли выступить въ походъ. Среди неусыпныхъ трудовъ своихъ, Михельсонъ смущался только тою мыслию, чтобы у него не отняли командованія надъ арміею, когда настанетъ время дѣйствовать. Вотъ что по этому поводу писалъ князь Долгоруковъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 8-го августа 1806 года:

(Переводъ съ французскаго): «Генераль Михельсонъ продолжаетъ дѣлать смотры полкамъ; добрый старикъ этотъ старается изо всѣхъ силъ; несмотря на слабость здоровья, онъ неутомимъ. Одно только мучитъ и сильно беспокоитъ его—это опасеніе, чтобы у него не отняли начальства надъ арміею, когда необходимо будетъ дѣйствовать. Онъ съ горестью говорилъ мнѣ объ этомъ, припоминая, что съ нимъ передъ этимъ случилось. Я долгомъ считаю сообщить объ этомъ вашему величеству для того, чтобы вы могли его успокоить, въ случаѣ если намѣрены удержать его на нынѣшнемъ мѣстѣ, такъ какъ безпокойство это сильно вредитъ его здоровью».

Опасенія Михельсона не оправдались и ему во главѣ орга-

низованной имъ же арміи пришлось еще разъ, лицомъ къ лицу, встрѣтиться съ непріателемъ.

По ограниченному числу регулярныхъ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій въ Турціи и вслѣдствіе ходатайства самаго Михельсона, ему разрѣшено было, по примѣру прежнихъ войнъ, набирать волонтерныя полки изъ молдаванъ, валаховъ, сербовъ, болгаръ и грековъ. Въ продолженіе двухъ первыхъ походовъ этой войны составилось, такимъ образомъ, шесть волонтерныхъ полковъ три конные и три пѣшіе.

Военныя дѣйствія противъ турокъ должны были открыться въ концѣ октября, но быстрый и неожиданный разгромъ, нанесенный около этого времени пруссакамъ при Іенѣ и Ауерштедтѣ заставилъ государя отдѣлать отъ молдавской арміи часть войскъ на западную границу. Всего 30,000 человекъ осталось въ распоряженіи Михельсона. Съ ними онъ перешелъ, около 20-го ноября, на правый берегъ Днѣстра. По малочисленности нашихъ войскъ, дѣйствія ихъ конечно не могли быть особенно рѣшительны и успѣшны; однако, въ теченіе ноября и декабря Михельсонъ занялъ Хотинъ, Бендеры, Килию, Акерманъ, Букарестъ и обложилъ крѣпость Измаиль. Кромѣ того, онъ завязалъ связи со всѣми христіанскими обитателями Турціи, сознавая, какую пользу можетъ привести его слабой арміи диверсія, произведенная ими внутри страны. Особенно же старался онъ содѣйствовать сербамъ, въ то время уже поднявшимъ знамя возстанія и предводимымъ Георгіемъ Чернымъ.

Во время пребыванія арміи на зимнихъ квартирахъ, въ исходѣ 1806 и началѣ 1807 года, Михельсонъ принималъ дѣятельныя мѣры къ пресѣченію болѣзней, сильно развившихся въ войскахъ вслѣдствіе черемѣны климата, пици и переходовъ, совершаемыхъ въ ненастное время, по вязкой грязи, отъ Днѣстра къ Дунаю. На правильную организацію снабженія войскъ продовольствіемъ тоже обращено было имъ строгое вниманіе: въ разныхъ мѣстахъ расположены были запасные магазины, пополнявшіеся, какъ подвозомъ изъ Россіи, такъ и мѣстными средствами. Что касается до пополненія убыли въ людяхъ, то въ этомъ отношеніи Михельсонъ встрѣтилъ всего болѣе затрудненій. Война съ Наполеономъ въ восточной Пруссіи такъ озабочивала наше военное министерство, что оно мало обращало вниманія на дѣйствія и требованія Михельсона. Привозимыя отъ него депеши по нѣскольку дней оставались нераспечатанными. Наконецъ, весною 1807 г., отправлено было къ нему четыре донскихъ полка, около 9,000 рекрутовъ изъ кременчугскаго депо и часть кievской и полтавской милиціи, которая и употреблена была Михельсономъ, частію въ видѣ резерва, остававшагося на

Днѣстрѣ, частію для занятія днѣстровскихъ крѣпостей, изъ которыхъ гарнизоны двинулись въ дунайскія княжества. Желая усилить армію, Михельсонъ издалъ прокламацію къ поселеннымъ за Дунаемъ, а частію разбѣяннымъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи запорожцамъ, приглашая ихъ соединиться съ русскими войсками. По обнародованіи этого объявленія, явилось изъ Браилова въ лагерь подъ Измаиломъ 130 некрасовцевъ и составили первое основаніе усть-дунайскаго казачьяго войска; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ число ихъ возрасло до 1,150 человекъ. Крѣпости: Бендеры, Акерманъ и Килия приводились въ лучшее оборонительное состояніе. Буджакскихъ татаръ старались удерживать въ спокойствіи и старшинамъ ихъ посылались подарки: лисьи шубы, серебрянные часы и т. п.

Къ открытію военныхъ дѣйствій въ февралѣ 1807 г. войска, ввѣренныя Михельсону, возрасли до 38,500 человекъ. Силъ этихъ, однако, было недостаточно для предпріятія рѣшительныхъ дѣйствій и потому Александръ I предписалъ Михельсону ограничиваться дѣйствіями оборонительными и удержаніемъ за собою лѣваго берега Дуная, такъ какъ бывшая тогда въ полномъ разгарѣ война съ Наполеономъ не позволяла усилить молдавской арміи. Но для того, чтобы имѣть возможность ограничиваться пассивною обороною, Михельсонъ считалъ необходимымъ прочно утвердиться въ дунайскихъ княжествахъ и достигнуть этого можно было, по его мнѣнію, только посредствомъ овладѣнія Измаиломъ. Къ этой-то цѣли и направилось его вниманіе.

Осада Измаила поручена была корпусу Мейендорфа, который подошелъ къ этой крѣпости въ началѣ марта; но надежды на скорое овладѣніе ею не оправдались, благодаря храбрости и искусству начальствовавшаго въ ней Паши-Пегливана. Пока Мейендорфъ занимался осадю, Михельсонъ съ корпусомъ Милорадовича двинулся къ крѣпости Журжи; нанесъ въ окрестностяхъ ея нѣсколько пораженій турецкимъ войскамъ и тѣмъ воспрепятствовалъ имъ подавать помощь гарнизону Измаила.

Измаиль, однако, держался упорно и осада мало подвигалась впередъ, особенно вслѣдствіе неимѣнія тяжелыхъ орудій. Михельсонъ, недовольный этой медленностью и считая ее послѣдствіемъ недостатка предприимчивости со стороны Мейендорфа, самъ, 12-го мая, отправился изъ Букареста къ Измаилу, надѣясь присутствіемъ своимъ ускорить сдачу крѣпости. Однако, по прибытіи на мѣсто, онъ убѣдился, что безъ осадной артиллеріи ничего нельзя сдѣлать; на приступъ же онъ не рѣшался, считая войско свое слишкомъ малочисленнымъ. Попытки выманить турецкую армію изъ крѣпости тоже не увѣнчались успѣхомъ и всѣ дѣйствія сводились къ отбитію вылазокъ, которыя весьма часто совершались предприимчивымъ Пегливаномъ.

Между тѣмъ военныя событія въ Пруссіи приняли невыгодный для насъ оборотъ, послѣдствіемъ котораго было заключеніе тильзитскаго мирнаго договора. По договору этому Наполеонъ, между прочимъ, принималъ на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціею. Вслѣдствіе этого государь повелѣлъ Михельсону предложить верховному визирю перемиріе, которое и было заключено 12-го августа 1807 гор. въ г. Слободзеѣ.

Маститый главнокомандующій не дожилъ до этого времени. 5-го августа, т. е. за недѣлю до окончательнаго заключенія перемирія, онъ скончался въ Букарестѣ. Тѣло его было отвезено въ Россію и предано землѣ, въ пожалованномъ ему императрицею Екатериною бѣлорусскомъ имѣніи близъ города Невля, Витебской губ., въ селѣ Ивановѣ.

IV.

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, окончившій свое поприще въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго (пожалованнымъ ему въ 1806 году) можетъ считаться однимъ изъ типовъ тѣхъ доблестныхъ «служилыхъ людей», въ которыхъ Россія никогда не ощущала недостатка. По лихой храбрости и юношеской пылкости, его ближе всего можно приравнять къ современному ему прусскому герою Блюхеру (генералу Vorwärtz какъ называли его русскіе солдаты). Многочисленныя раны, полученные имъ въ младшихъ чинахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ всегда находился въ самомъ пылу боя и себя не жалѣлъ. Даже при концѣ боеваго поприща Михельсона, во время турецкой войны 1807 г., эта блистательная храбрость увлекала его, 67-ми-лѣтняго старца, не только за предѣлы благоразумія, но и за предѣлы исполненія обязанностей главнокомандующаго. Во время осады Измаила, постоянно тревожимой турецкими вылазками, Михельсонъ, нерѣдко самъ, обнаживъ саблю, бросался во главѣ своей кавалеріи на дерзкаго непріятели. Неутомимая дѣятельность его и настойчивость всего блистательнѣе проявилась во время пугачевщины и увѣнчались онъ такими результатами, которые обезсмертили имя Михельсона. Только обладая такими качествами, каковыми обладалъ онъ, можно было успѣшно дѣйствовать противъ стоглавой гидры мятежа 1774 года.

Съ необычайною личною храбростію и дѣятельностію Михельсонъ соединялъ благодушіе, привѣтливость со всѣми и замѣчательную заботливость о своихъ подчиненныхъ. Какъ онъ смотрѣлъ на русскаго солдата—это видно изъ всеподданнѣйшаго письма его изъ Тульчина, отъ 25-го іюня 1806 года. Письмо это

было написано по поводу изъявленной высочайшей воли, чтобы во время компаніи не было прибавочнаго по военному времени обоза и солдатскихъ артельныхъ повозокъ. Отстаивая необходимость, особенно послѣднихъ, Михельсонъ, между прочимъ, пишетъ:

«Не осмѣлился бы я, всемилостивѣйшій государь, такъ далеко распространяться симъ всеподданнѣйшимъ моимъ представленіемъ, если бы не истинное усердіе мое меня къ тому влекло, и ежели бы не только долговременный опытъ собственный, но и опыты вѣковъ не доказывали истину, что первымъ предметомъ въ военномъ дѣлѣ есть: уважать на свойства и нужды солдата. Свойства російскаго солдата есть не страшиться ни трудовъ, ни дисциплины, ни многочисленнѣйшаго непріятеля, но невыгоды и недостатки, безъ таковыхъ причинъ, кои самъ онъ знаетъ необходимыми, не терпитъ. Противу первыхъ онъ твердъ и храбръ и въ напряженіяхъ къ побѣдѣ опасностей не знаетъ; а отъ послѣднихъ рождается неудовольствіе, унижается духъ и клонится къ разрушенію дисциплины».

Государь уважилъ ходатайство стараго, опытнаго воина, и молдавской арміи, сравнительно съ другими, разрѣшено было имѣть значительнѣйшее количество обоза.

Въ заключеніе должно прибавить, что матеріалы для біографіи Ивана Ивановича Михельсона весьма еще скудны и что въ представляемомъ нами опытѣ его жизнеописанія много пробѣловъ. Желательно бы было, чтобы тѣ лица, которыя обладаютъ свѣдѣніями, которыя могутъ бросить болѣе яркій свѣтъ на личность Михельсона, какъ человѣка и какъ солдата, подѣлились ими съ многочисленными читателями «Русской Старины» ¹⁾.

И. И. Ореусъ.

¹⁾ Присоединяемъ къ просьбѣ автора — нашу просьбу и обращаемъ ее въ особенности къ старожиламъ Невельскаго уѣзда, достопочтеннымъ Е. О. Дуве и А. И. Каргашеву: отъ своихъ родителей они могли слышать любознательные рассказы о Михельсонѣ, которые и желательно было бы видѣть на страницахъ нашего изданія.

Ред.

Портретъ Михельсона.

1803—1805.

Во времени пребыванія Михельсона въ Бѣлоруссіи въ 1803—1805 г., относится снятіе съ него портрета. Портретъ поясной, писанъ маслянными красками на холстѣ; точная съ него гравюра, исполненная рѣзцомъ талантливаго художника, академика И. П. Пожалостина и отпечатанная въ Парижѣ, прилагается къ этой книгѣ «Русской Старины».

Подлинный портретъ былъ подаренъ Михельсономъ правителю его канцеляріи и другу Михаилу Степановичу Жуковскому котораго онъ искренно уважалъ и любилъ (ум. тайнымъ совѣтникомъ въ 1836 г.). Портретъ этотъ принадлежитъ нынѣ превосходному собранію живописныхъ портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей—князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, которому подаренъ С. М. Жуковскимъ.

Такъ какъ портретъ Михельсона до сихъ поръ не былъ никогда изданъ, то гравюра И. П. Пожалостина является весьма полезною и необходимою, впервые воспроизведя предъ нашими соотечественниками открытыя, дышащія умомъ, выразительностію и отвагою черты лица доблестнаго воина. Изъ очерка г. Ореуса мы видѣли, что, несмотря на преклонный возрастъ и тяжкія раны, Михельсонъ до послѣдняго дня жизни сохранилъ бодрость и энергію; это былъ воинъ по страсти: на Дунаѣ, незадолго до кончины, нерѣдко случалось что лихой старецъ, Михельсонъ, въ виду схватки какого-нибудь легкаго кавалерійскаго отряда съ турками, выхватывалъ у конвойнаго казака пику и самъ бросался въ атаку, совершенно забывая, что обязанности главнокомандующаго должны бы въ немъ сдерживать страсть къ личному участію въ бою.

Таковъ былъ Михельсонъ, и портретъ его краснорѣчиво говоритъ о свойствахъ его души и сердца.

Ред.